

Дэшил Хэммет

КРАСНАЯ ЖАТВА И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 99

Dashiell Hammett
RED HARVEST
FLY PAPER
THE BIG KNOCKOVER
106,000 BLOOD MONEY
SLIPPERY FINGERS
ARSON PLUS
ONE HOUR
THE BARBER AND HIS WIFE
THE ROAD HOME
HOLIDAY
LAUGHING MASKS
THE GLASS THAT LAUGHED
THE GREAT LOVERS
THE MASTER MIND

Перевод с английского
Андрея Бударова, Виктора Голышева, Александра Ливерганта

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-28970-3

© Андрей Бударов, перевод, 2025
© В. П. Голышев, перевод, 1988, 1996
© А. Я. Ливергант, перевод, 1990
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

КРАСНАЯ ЖАТВА

*Из цикла «Оперативник
из агентства „Континентал“»*

ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЕНОМ И МУЖЧИНА В СЕРОМ

Впервые Берсвилл назвал при мне Бесвиллом один рыжий детина по имени Хикки Дьюи в «Большом корабле», в Батте. Поскольку он и рубашку называл «убашкой», я не придал этому значения. Однако в дальнейшем я обнаружил, что Берсвилл называют Бесвиллом и те, кто произносит «р» вполне нормально. Но и тогда я считал это всего лишь безобидной шуткой. Спустя несколько лет я поехал в Берсвилл и убедился, что был не прав.

Прямо с вокзала я позвонил в «Геральд», попросил к телефону Дональда Уилсона и сообщил ему о своем приезде.

— Можете быть у меня в десять вечера? — спросил он хорошо поставленным голосом. — Я живу на бульваре Маунтен, 2101. На Бродвее сядете в трамвай, сойдете на Лорел-авеню и пройдете два квартала пешком.

Я обещал, что приеду. Затем поехал в гостиницу «Грейт вестерн», оставил там вещи и вышел пройтись.

Красотой Берсвилл не отличался. У его архитекторов была явная слабость к кричащим цветам. Когда-то, возможно, город смотрелся, но со временем желтый дым, валивший из высоких кирпичных труб плавильного завода, выстроенного у подножия мрачной горы, выкрасил все дома в одинаково тусклые цвета. В результате получился

уродливый сорокатысячный городишко, зажатый между тремя не менее уродливыми, покрытыми густым слоем сажи горами. Под стать городу было и нависшее над ним закопченное небо, которое ничем не отличалось от заводского дыма.

Первый же попавшийся мне полицейский был сильно небрит. У второго на поношенном кителе не хватало пары пуговиц. А третий стоял на самом оживленном городском перекрестке и регулировал движение с сигаретой в зубах. После этого я перестал обращать на них внимание.

В девять тридцать я сел на Бродвее в трамвай и поехал по адресу, который дал мне Дональд Уилсон. Через полчаса я уже стоял у ограды углового дома.

Служанка, открывшая мне дверь, сообщила, что мистера Уилсона нет дома. Пока я пытался втолковать ей, что мистер Уилсон сам назначил мне прийти в это время, в прихожую вошла стройная блондинка лет тридцати в зеленом шерстяном платье. Улыбка никак не вязалась с ледяным взглядом больших голубых глаз. Пришлось повторить все сначала.

— Мужа сейчас нет. — Она говорила с легким акцентом. — Но раз вы с ним договорились, значит он скоро будет.

Мы поднялись по лестнице и вошли в комнату, выходящую на Лорел-авеню. Темная мебель, много книг. Она усадила меня в кожаное кресло у камина, сама села напротив, вполоборота ко мне, и приступила к допросу:

- Вы живете в Берсвилле?
- Нет, в Сан-Франциско.
- Но вы здесь уже бывали?
- Нет.
- Правда? И как вам наш город?

— Пока трудно сказать, — соврал я. На самом деле сказать было легче легкого. — Я ведь только сегодня приехал.

— Место жуткое, сами увидите. — Она на мгновение опустила свои большие голубые глаза, а затем допрос продолжился: — Промышленный город, ничего не поделаешь. Вы горный инженер?

— Не совсем.

Она покосилась на каминные часы и сказала:

— Дональд повел себя не лучшим образом. Пригласил вас, а сам ушел. Да и время для деловой встречи он выбрал не самое удобное.

— Ничего страшного.

— Впрочем, может, у вас не деловая встреча?

Я промолчал.

Блондинка язвительно хмыкнула.

— Я, наверное, ужасно надоела вам своими расспросами, — весело сказала она. — Но вы сами виноваты — молчите, вот и заинтриговали меня. Вы, случаем, не бутлегер? Сколько их у Дональда перебивало — не сосчитать.

Я только загадочно улыбнулся — понимай, мол, как знаешь.

Внизу зазвонил телефон. Миссис Уилсон вытянула к огню длинные ноги в зеленых домашних туфлях и сделала вид, что не слышит звонка. Почему — неизвестно.

— Боюсь, мне... — начала она, но тут в дверях появилась служанка, которая поднялась позвать хозяйку к телефону.

Миссис Уилсон извинилась, вышла вместе со служанкой в коридор, но вниз не пошла, а взяла отводную трубку.

— Говорит миссис Уилсон, — услышал я. — Да... Что, простите?.. Кто? Пожалуйста, говорите громче... Что?! Да... Да... Кто это?.. Алло! Алло!

Трубка с грохотом упала на рычаг. Послышались удаляющиеся шаги. Быстрые шаги.

Я закурил. Пока она бежала вниз по лестнице, я тупо вертел в руках сигарету. Затем подошел к окну, отодвинул край занавески и выглянул на Лорел-авеню. За домом, прямо под окном, находился квадратный белый гараж.

Тут я увидел, что от дома к гаражу торопливо идет стройная молодая женщина в темном плаще и шляпе. Это была миссис Уилсон. Уехала она в двухместном «бьюике». А я вернулся к камину и стал ждать.

Прошло три четверти часа. В пять минут двенадцатого перед домом взвизгнули тормоза. Через две минуты в комнату вошла миссис Уилсон. Без плаща и без шляпы. Лицо белое, глаза почернели.

— Извините, пожалуйста, — выдавила она, и крепко сжатый рот исказила судорога. — Но вы прождали зря. Мужа сегодня не будет.

Я сказал, что утром позвоню ему в редакцию.

Спускаясь по лестнице, я ломал себе голову, почему зеленый носок ее левой туфли потемнел и намок. Уж не от крови ли?

На Бродвее я сел в трамвай. Сойдя на остановке, расположенной в нескольких минутах ходьбы от моей гостиницы, я увидел, что у бокового входа в здание муниципалитета стоит толпа.

У двери с надписью «Управление полиции» собралось человек тридцать-сорок мужчин и несколько женщин. Кого тут только не было: еще не снявшие комбинезоны рудокопы и плавильщики, расфранченные завсегдатаи бильярдных и дансингов, холеные мужчины с сытыми бледными лицами, добропорядочные мужья с постным ви-

дом, такие же добропорядочные и скучные жены, а также несколько шлюх.

Вклинившись в толпу, я встал рядом с коренастым человеком в измятом сером костюме. Серым, впрочем, был не только его костюм, но и лицо, и даже полные губы, хотя на вид ему было немногим больше тридцати. Крупные черты, умные глаза. На серой фланелевой рубашке алел широкий красный шелковый галстук.

— Что случилось? — поинтересовался я.

Прежде чем ответить, он внимательно изучил меня, словно хотел убедиться, что информация попадет в надежные руки. Глаза у него были такими же серыми, как и костюм, только жестче.

— Дон Уилсон отправился в гости к Всевышнему. Пусть на небесах полюбуется, сколько в него пуль всадили.

— Кто его убил? — спросил я.

— Убийца, — ответил «серый», почесав в затылке.

Но мне нужны были факты, а не хохмы, и я бы попытал счастья с кем-нибудь другим из толпы зевак, если бы меня не заинтриговал красный галстук.

— Я в этом городе никого не знаю. Сделайте доброе дело, просветите меня, — попросил я.

— Дональда Уилсона, эсквайра, редактора двух газет, утренней «Морнинг геральд» и вечерней «Ивнинг геральд», нашли убитым на Харрикен-стрит. Убийца скрылся, — монотонной скороговоркой диктора пробубнил он. — Теперь, надеюсь, вы удовлетворены?

— Более чем. — Я выставил палец и коснулся кончика его галстука. — Вы в этом галстукe случайно или нет?

— Я Билл Квинт.

— Не может быть! — воскликнул я, лихорадочно соображая, кто бы это мог быть. — Очень приятно.

Я стал рыться в бумажнике в поисках визитной карточки — они у меня имелись на все случаи жизни. Вот эта, красная, пожалуй, подойдет. Из нее следовало, что я Генри О'Нил, моряк, активный член профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира». Все ложь от начала до конца.

Я вручил карточку Биллу Квинту. Он повертел ее, изучая, затем вернул и еще раз пристально оглядел меня с головы до пят. Доверия я у него явно не вызывал.

— Все там будем, — глубокомысленно заметил он. — Вам в какую сторону?

— В любую.

Мы пошли по улице и завернули за угол; по-моему, нам обоим было совершенно безразлично, куда идти.

— Раз вы моряк, что здесь делаете? — как бы невзначай спросил он.

— Откуда вы взяли, что я моряк?

— Из вашей визитной карточки.

— Мало ли что там написано. У меня есть еще одна, где сказано, что я шелковичный червь. А завтра, если хотите, могу показать карточку, что я шахтер.

— Не выйдет. Кого-кого, а шахтеров я знаю неплохо.

— А если получите телеграмму из Чикаго?

— Подумаешь! Здесь я хозяин. — Он показал на дверь ресторана и спросил: — Выпьем?

— Не откажусь.

Мы прошли через ресторан, поднялись по ступенькам и вошли в узкую комнату с длинной стойкой и рядом столиков. Билл Квинт кивнул молодым людям, сидевшим за столами и у стойки, и, откинув зеленую занавеску, завел меня в один из небольших кабинетов.

Часа два мы пили виски и разговаривали.

«Серый», оказывается, сразу сообразил, что я не имею никакого отношения ни к той визитной карточке, которую я ему вручил, ни к той, которую упомянул. На профсоюзного активиста я был совсем не похож. Будучи сам ведущим деятелем ИРМ в Берсвилле, он счел своим долгом вывести, кто я такой, а про деятельность профсоюзов особенно не распространялся. Это меня устраивало. Мне хотелось знать, что делается в Берсвилле, а он охотно рассказывал про местные нравы, прощупывая между делом мое отношение к профсоюзам.

Из нашего разговора я вынес следующее.

Уже сорок лет в городе безраздельно хозяйничал Элихью Уилсон, отец убитого. Он был президентом и главным акционером Городской горнодобывающей корпорации, а заодно и владельцем Первого национального банка, обеих городских газет, «Морнинг геральд» и «Ивнинг геральд», а также практически всех крупных предприятий. Вдобавок ему принадлежали сенатор Соединенных Штатов, несколько членов палаты представителей, губернатор штата, мэр города и большинство работников законодательной власти. Словом, в Берсвилле Элихью Уилсон был не последним человеком.

Во время войны ИРМ, организация в те годы на западе страны очень популярная, заручилась поддержкой Берсвиллской горнодобывающей корпорации. На деле, однако, корпорация навстречу профсоюзам не пошла. Тогда профсоюзы, воспользовавшись своей силой, стали требовать то, что им причиталось. Старый Элихью вынужден был уступить и стал ждать подходящего случая отыграться.

Случай этот представился в 1921 году. Дела у старого Элихью шли настолько плохо, что ему ничего не стоило, если понадобится, закрыть все свои предприятия. Он отка-

зался от уступок, на которые в свое время пошел, и снизил рабочим зарплату до предвоенного уровня.

Местным профсоюзам требовалась помощь, и из Чикаго, где находился штаб ИРМ, в Берсвилл послали Билла Квинта. Билл выступил против забастовки и вообще против открытой конфронтации. Он предлагал испытанную тактику саботажа: на работу ходить, но любым способом работе препятствовать. Руководителям местных профсоюзов такая тактика казалась недостаточно активной. Они непременно хотели прославиться, войти в историю.

И они забастовали.

Забастовка продолжалась восемь месяцев. Обе стороны истекали кровью, причем рабочие — своей собственной, а старый Элихью — кровью наемных убийц, штрейкбрехеров, национальных гвардейцев и даже солдат регулярной армии. Когда же был раскрыт последний череп и сломано последнее ребро, профсоюзы в Берсвилле перестали существовать.

Но, по словам Билла Квинта, старый Элихью плохо знал историю. Он победил забастовщиков, зато утратил власть над городом и штатом. Одержав победу над горняками, наемные головорезы окончательно распоясались, и, когда стычки прекратились, Элихью уже был не в состоянии от этих головорезов избавиться. Берсвилл их вполне устраивал, и они присвоили себе город, как присваивают боевые трофеи. Открыто порвать с ними Элихью не мог. Они слишком много знали: ведь за все, что они вытворяли во время забастовки, отвечал он.

Когда Билл кончил, мы оба были уже сильно навеселе. Мой собеседник допил очередную порцию виски, откинул волосы со лба и напоследок сообщил, какова ситуация в городе на сегодняшний день.

— Сейчас самый сильный из них, по-видимому, Пит Финик. Виски, которое мы с вами пьем, принадлежит ему. За ним идет Лу Ярд, у него ломбард на Паркер-стрит; кроме того, он занимается поручительством, контролирует — так, во всяком случае, я слышал — большинство городских увеселительных заведений и на дружеской ноге с Нуненом, шефом местной полиции. У Макса Тейлера — или Сиплого — тоже друзей хватает. Он маленький, смуглый, ловкий, вот только с горлом беда — еле говорит. Игрок. Эти трое с помощью Нунена и помогают Элихью управлять городом, помогают больше, чем тот хотел бы. Но ему приходится мириться с ними, иначе...

— А этот, сын Элихью, которого сегодня пристрелили? — спросил я. — Чем он занимался?

— Служил своему папочке верой и правдой. И дослужился...

— Вы хотите сказать, что старик...

— Может быть, не знаю. Не успел сынок вернуться из-за границы, как папаша посадил его выпускать газету. Старый черт уже одной ногой в могиле, а себя в обиду не даст. Но с этими ребятами надо держать ухо востро, поэтому старик выписал Дона с его французской женой из Парижа и использовал собственного сына в качестве приманки. Любящий папаша, нечего сказать! Дон проводил в газетах кампанию «Очистим наш город от порока и коррупции». Понимай — от Пита, Лу и Сиплого. Дошло? Старик решил стряхнуть с себя эту банду руками мальчишки. Вот им и надоело, что их трясут. Впрочем, это только мое предположение.

— И не самое удачное. Что-то здесь не то.

— В этом проклятом городе все не то. Еще стаканчик этой отравы?

Я отказался. Мы вышли из ресторана и двинулись по улице. Билл Квинт жил в отеле «Майнерс» на Форест-стрит, и нам было по пути.

Перед моей гостиницей здоровенный детина, сильно смахивающий на переодетого полицейского, стоял у края тротуара и беседовал с кем-то, сидевшим в большом открытом автомобиле.

— В машине Сиплый, — сказал Билл Квинт.

Я повернул голову и увидел Тейлера. Молодой, чернявый, маленький, профиль прямо-таки скульптурный.

— Хорош, — сказал я.

— Угу, — согласился «серый». — Лучше некуда.

ВЛАДЫКА БЕСВИЛЛА

«Морнинг геральд» посвятила смерти Дональда Уилсона две страницы. С фотографии широко улыбался симпатичный человек в полосатом галстуке, с живым, умным лицом, смеющимися глазами, выующимися волосами и ямочкой на подбородке.

Произошло вот что. Накануне вечером, без двадцати одиннадцать, Дональд Уилсон был убит на месте четырьмя пулями — в живот, грудь и спину. Услыхав выстрелы, жители дома номер 1100 по Харрикен-стрит выглянули в окно и увидели на тротуаре распростертое тело. Над ним склонились мужчина и женщина. На улице было темно, и разобрать их лица было невозможно. Когда же сбежались люди, мужчина и женщина скрылись. Никто не знал, как они выглядят. Никто не видел, куда они убежали.

Стреляли в Уилсона из пистолета 32-го калибра. Два выстрела из шести пришлись в стену дома, и, изучив траекторию этих пуль, полиция пришла к выводу, что в Уилсона целились из узкого прохода между домами на противоположной стороне улицы. Больше ничего выяснить не удалось.

В помещенной в «Морнинг геральд» редакционной статье говорилось, что покойный Уилсон, не жалея сил, боролся с коррупцией и что убийство, судя по всему, дело

рук тех, кто не хотел, чтобы в Берсвилле произошли изменения к лучшему. Шеф городской полиции, отмечалось в статье, убедительнее всего докажет свою непричастность, если как можно быстрее поймает и осудит убийцу или убийц. Тон статьи был недвусмысленно резким.

Дочитав газету и допив вторую чашку кофе, я вскочил на Бродвее в трамвай, вышел на Лорел-авеню и направился к дому убитого.

Я уже находился от него всего в двух минутах ходьбы, как вдруг мне совершенно расхотелось идти туда.

Дело в том, что прямо передо мной улицу перешел невысокий молодой человек в коричневом костюме. Со скульптурным профилем. Это был Макс Тейлер, он же Сиплый. Когда я дошел до бульвара Маунтен, то увидел, как его коричневые брюки мелькнули в дверном проеме дома покойного Дональда Уилсона.

Я вернулся на Бродвей, нашел магазин с телефонной будкой внутри, полистал телефонный справочник в поисках домашнего номера Элихью Уилсона, набрал этот номер и сообщил человеку, назвавшемуся его секретарем, что я приехал из Сан-Франциско по просьбе Дональда Уилсона, знаю кое-какие подробности о его смерти и хочу видеть отца убитого.

Проявив некоторую настойчивость, я в конце концов получил разрешение приехать.

Когда секретарь, тощий тип лет сорока с колючим взглядом и бесшумной походкой, ввел меня в спальню своего хозяина, владыка Бесвилла сидел в постели, со всех сторон обложенный подушками.

Маленькая, круглая, как мяч, головка, коротко стриженные седые волосы, прижатые ушки, такие крошечные, что их не видно вовсе. Над небольшим носом крутой лоб, рот и подбородок плоские, нарушающие округлость чере-

па. Короткая бычья шея, на квадратных мясистых плечах торпорщится белая пижама. Одна рука — жилистая, с короткими, толстыми пальцами — лежит поверх одеяла. Глазки круглые, голубые, водянистые. Кажется, они вот-вот выскочат из-под седых кустистых бровей и во что-нибудь вцепятся. Да, этот за себя постоять сумеет.

Едва заметным движением своей круглой, как мяч, головки он указал мне на стул возле кровати, другим столь же неуловимым движением выставил из комнаты секретаря и только тогда спросил:

— Что там насчет сына?

Голос хриплый. Слова вырываются не изо рта, а откуда-то из груди, поэтому разобрать, что он говорит, было непросто.

— Я из Сан-Франциско, работаю в детективном агентстве «Континентал», — представился я. — Несколько дней назад мы получили от вашего сына чек и письмо, где он просил прислать сюда сотрудника. Этот сотрудник — я. Вчера вечером мы договорились с вашим сыном встретиться у него дома. Я пришел в назначенное время, но его не застал. По дороге в гостиницу я узнал, что его убили.

Элихью Уилсон подозрительно уставился на меня и спросил:

— Ну и что?

— Когда я пришел, кто-то позвонил по телефону вашей невестке, после чего она ненадолго ушла, вернулась с подозрительно напоминающим кровь пятном на туфле и сказала, чтобы я мужа не ждал. Его убили в десять сорок, а она ушла в десять двадцать и вернулась в пять минут двенадцатого.

Старик оторвал голову от подушки и принялся ругать миссис Уилсон. Как он только ее не обзывал! Наконец он иссяк и взялся за меня.

— Она в тюрьме? — заорал он.

Я сказал, что вряд ли.

По-видимому, это ему не понравилось, ибо он снова разразился самыми отборными ругательствами, на этот раз в мой адрес.

— Так чего же вы, черт побери, ждете? — закончил он свою длинную тираду.

Не будь он таким старым и больным, я бы с удовольствием хорошенько хватил его по спине.

— Улик, — рассмеявшись, ответил я.

— Улик?! Каких еще улик? Ведь вы...

— Не валяйте дурака, — перебил я его. — Зачем ей было его убивать, сами подумайте?

— Затем, что она французская шлюха! — опять завопил он. — Затем, что она...

В дверях появилось испуганное лицо секретаря.

— Пошел вон! — гаркнул старик, и лицо секретаря пропало.

— Она ревнивая? — поспешил спросить я, воспользовавшись тем, что он на мгновение затих. — Кстати, вы напрасно так громко кричите — я, конечно, глуховат, но последнее время принимаю сухие дрожжи и стал слышать значительно лучше.

Старик согнул под одеялом ноги в коленях, положил на них сжатые в кулак руки и выставил на меня свою квадратную челюсть.

— Я стар и болен, — с расстановкой произнес он, — но меня очень подмывает встать и вышвырнуть вас отсюда коленом под зад.

Я пропустил его слова мимо ушей и повторил:

— Она ревнивая?

— Ревнивая, — сказал он уже спокойнее. — А также властная, избалованная, недоверчивая, жадная, мелочная,

бессовестная, вероломная, себялюбивая — короче, дрянь, ничтожная дрянь.

— А основания для ревности у нее были?

— Хочется верить, что были, — съязвил он. — Я бы очень расстроился, если бы узнал, что мой сын ей ни разу не изменил. Хотя, очень возможно, что так оно и было. С него станется.

— И все же вы не можете назвать причину, из-за которой она могла убить его?

— Не могу назвать причину?! — Он опять завопил. — Я же вам говорю...

— Все, что вы говорите, несерьезно.

Старик откинул одеяло и стал вылезать из постели. Затем передумал, поднял покрасневшее от бешенства лицо и заорал:

— Стэнли!

Дверь приоткрылась, и в щелку заглянул секретарь.

— Выставь-ка отсюда этого ублюдка, — распорядился старик, замахнувшись на меня кулаком.

Секретарь повернулся ко мне.

— Один ты, боюсь, не справишься, — сказал я, покачав головой.

Секретарь нахмурился. Мы были примерно одного возраста. Он был долговязый, на целую голову выше меня, зато фунтов на пятьдесят легче. А мои сто девяносто фунтов состояли не из одного жира. Секретарь занервничал, виновато улыбнулся и ретировался.

— Между прочим, — сказал я старику, — сегодня утром я решил побеседовать с женой вашего сына, но, подходя к ее дому, увидел, как туда входит Макс Тейлер, и счел за лучшее с визитом повременить.

Элихью Уилсон опять сунул ноги под одеяло, тщательно подоткнул его со всех сторон, откинулся на по-

Хэммет Д.

Х 99 Красная жатва и другие истории : роман, повести, рассказы / Дэшил Хэммет ; пер. с англ. А. Бударова, В. Голышева, А. Ливерганта. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 544 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28970-3

Дэшил Хэммет — создатель уникального направления «крутой детектив», вскоре ставшего классическим в каноне американской литературы.

Шахтерский город на американском Западе неспроста прозван Пойзонвиллем — «Ядовитым городом». Здесь махровым цветом цветет политическая коррупция; здесь свили себе уютные гнезда гангстеры; и здесь получает поистине макиавеллианское наслаждение любимый герой Хэммета, «безымянный» частный сыщик, изощренно натравливая конкурирующие преступные группировки друг на друга с целью их взаимного уничтожения.

Кроме заглавного романа, в сборник вошли шесть произведений об оперативнике из агентства «Континентал» и семь внецикловых рассказов, ранее не публиковавшихся на русском.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЭШИЛ ХЭММЕТ
КРАСНАЯ ЖАТВА
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Полина Дроздовская, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.07.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 33,32. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-TLD-38885-01-R